

*Одиннадцать месяцев назад,
мотель «Кларин-хаус»
Дублин, Ирландия
6 августа, ДПС*

ИЕРИХОН БЭРРОНС

— Кто там?

Два часа ночи. Люди спят. Ее голос из-за двери кажется сонным, нежным, южным, юным. Чертовски юным. Невинным. В моем зоопарке МакКайла Лейн — зверь уникальный.

— Иерихон Бэрронс.

— Что *вам* нужно? — От сонливости в ее голосе не осталось и следа. Перекатись она в постели через гремучую змею, ей и то не удалось бы казаться более проснувшейся.

Я смеюсь, беззвучно и безрадостно. Я хочу большего, чем она способна выдержать.

— Обмен информацией. Вы хотите знать, что *это* такое. Я хочу знать, откуда вы *об этом* узнали.

— Умник, да? Я еще в магазине это заметила. Что же тебя так задержало?

Ей не удастся скрыть страх за сарказмом. Я тщательно подбираю следующие слова. Я хочу, чтобы она открыла дверь по собственной воле, чтобы сама пригласила меня войти. Эта вежливость по некоторым причинам важна для меня.

— Я не привык просить то, что мне нужно. Кроме того, не в моих привычках торговаться с женщинами.

Она некоторое время молчит, наслаждаясь моим ответом, — ведь я отнес ее к классу женщин, с которыми готов торговаться. Это позволяет ей ощутить крупицу контроля над ситуацией — словно я «ситуация». На ее пороге стоит не ситуация, а чертов катаклизм. Слова... Почему они вечно хотят слов? Почему они этим словам верят?

— Ну вот и привыкай, парень, потому что я никому не позволяю мной командовать. Кроме того, я никому и ничего не собираюсь отдавать даром.

Она назвала меня парнем. За одно только это я могу убить ее раньше, чем закончу допрашивать. Формальность заставляет ее считать меня менее зрелым, чем я есть, и менее опасным. Я готов надеть любую шкуру, лишь бы пробраться внутрь.

— Вы намерены открыть дверь, мисс Лейн, или мы будем вести беседу таким образом, чтобы кто угодно мог нас подслушать?

— Вы действительно намерены обмениваться информацией?

— Да.

— И вы начнете первым?

— Начну.

Она так чертовски доверчива.

— Мы можем обмениваться информацией через дверь.

Размечталась. У меня не настолько длинный орган. Я пришел сюда за двумя вещами. И без них не уйду.

— Нет.

— Почему нет?

— Я предпочитаю конфиденциальность, мисс Лейн. Иначе обмен не состоится.

— Но я...

— Нет.

— Как вы нашли меня?

Скрипят пружины матраца. Шуршат натягиваемые джинсы.

— В моем заведении вы заказывали транспортное средство.

— Знаете, там, откуда я родом, такие заведения называют книжными магазинами. А транспортные средства — такси.

Это что, намек на наличие характера? Под ее пушистой шерсткой все же есть хребет?

— А там, откуда родом я, имеют представление о хороших манерах, мисс Лейн. Вы знакомы с этим понятием?

— Знакома, — бормочет она. — И я не виновата. Когда мне угрожают, наружу вырывается моя худшая половина.

Она открывает дверь. Выглядывает наружу. Над тонкой соплей дверной цепочки, которую я могу сломать, просто моргнув.

Твою мать, думаю я. Вот именно так. Разнообразие твоюматей в одной огромной проклятой куче. К примеру: мать мою, если я действительно хочу эту... эту... новорожденную имбецилку. И ей конец, если мой конец окажется в ней. И чтоб меня, если я уйду просто так. Достаточно уже того, что я выпустил ее из своего магазина. Нужно было убить таксиста. И уже тогда взять то, что я хотел.

Невинная. Мягкая. Приятно пахнущая. Лицо чуть припухло от сна. Светлая путаница волос так и просится, чтобы ее намотали на кулак. Я вижу, как эти волосы рассыпаются по ее спине, скользят по округлым ягодицам. Я вижу себя под ней, за ней. Входящим в нее. Что она сделает? Что скажет? Как она звучит, когда достигает пика? Теряет ли она, как и большинство женщин, частицу своей души в сексе? Оставит ли эту частицу мне? Черт.

— Могу я войти? — Я не улыбаюсь. От моих улыбок люди не расслабляются.

— Я не собираюсь пускать вас в свою комнату.

Глаза у нее зеленые, злые. Соски напряжены. Похоть не знает логики. Она поражает нас в самых странных местах в самое неподходящее время. Девочка даже не осознаёт, что сейчас ощущает. Она возвела между нами баррикаду из приличий и лжи. Я презираю подобный тип женщин. Мне отвратительна ее мягкая розовая невинность. Но мое тело не согласно со мной. И я думаю: почему *она*? Почему, к примеру, не уличный фанарь, с которым у нас столько же общего? Она — шифон и атласные ленточки. Я — сырое мясо и бритвенные лезвия. Меня никогда не влекло к противоположности. Мне *нравится* то, чем я являюсь.

— Твоя грудь затвердела, — бормочу я, оставляя ей выбор: разобрать это или притвориться, что не услышала.

Она моргает и качает головой.

— Как вы вошли в мотель?

Ах, у человеческого уха чудесные фильтры.

— Я назвался вашим братом.

— Ну конечно. Мы ведь так похожи.

Кружево ее ночного одеяния трепещет от каждого вздоха. Она дрожит, пытаясь скрыть дрожь. Я оглядываю крошечную комнату

за ее плечом. Номер чуть лучше, чем в почасовой ночлежке. То, за чем я пришел, я получу гораздо раньше. Но вначале дело.

— Итак, мисс Лейн?

— Я думаю.

— Не перетрудитесь.

— Не будьте такой свиньей.

— Я считаю до трех и затем ухожу. Два.

— Ой, ладно. *Входите*, — огрызается она.

И я улыбаюсь, но позволяю себе это лишь потому, что она закрыла дверь, чтобы снять цепочку, и не может меня увидеть. Она открывает дверь и отступает на шаг. Я давно обнаружил, что между тем, как женщина снимает цепочку и раздвигает ноги, проходит не так уж много времени. Они словно не могут открыть только один вход. И эта болезнь называется надеждой.

Она распахивает дверь настежь. Ей кажется, что так будет безопаснее. Я захожу. И не утруждаюсь закрыть за собой дверь. Для этого еще будет время. Она подцепляет носком кружевной бюстгальтер с ковра и отправляет его под кровать. Прежде чем уйти, я увижу гораздо больше.

— Ну так что же это? Нет, подождите, можете произнести это слово по буквам?

Я обхожу ее по кругу. Она поворачивается вместе со мной, не желая открывать спину. Впрочем, я все равно ее получу. Всеми возможными способами.

— С-и-н-с-а-р.

— Синсар?

— Ши-са. Ши-са-ду.

Я продолжаю кружить. Мне нравится смотреть, как движется ее тело. Если она опустит взгляд, то увидит, что мое пальто растегнуто, а костюм не в силах скрыть, насколько сильно я ее хочу. Но она не сводит глаз с моего лица. На это мало кто способен.

— Ага, от этого оно стало звучать понятнее. А что за «ду»?

Я прекращаю кружить, останавливаясь лицом к входу. Она стоит спиной к двери. Между нами всего три фута. Я могу чувствовать ее тепло. Ощущать ее запах.

— Д-а-б-х.

— Дабх означает «ду»? А пабы следует писать как пубхы?

— Дабх — гэльское слово, мисс Лейн. Паб — нет.

— Со смеху умереть можно.

— В Ши-са-ду нет ничего смешного.

— Хорошо, больше не буду. Так что же это за мрачайшая вещь?

Она легкомысленна. Ей здесь совершенно не место. Фиа была права.

«Это будет милосердием, Иерихон. Убей эту девушку быстро, пока один из оставшихся не начал пытаться ее дни напролет, чтобы затем вырвать горло».

«“Милосердие” вдруг стало моим вторым чертовым именем?»

«Сделай это ради меня, Иерихон. Мне невыносима сама мысль о том, что с ней может сделать кто-то из них».

«Кто-то из них? Или я, Фиона? Мысль о ком тебе настолько невыносима?»

«Я видела, как ты на нее смотришь, Иерихон. Как ты можешь хотеть эту... эту... это глупое, пустоголовое дитя?! Что она может тебе предложить?»

— Слишком долго, — говорю я. Фиона пробыла со мной слишком долго.

— Что? — удивленно спрашивает она.

И я внезапно ощущаю ярость от того, что МакКайла Лейн явилась в мой город, считая, что может играть на одном поле со мной и существами моей породы, стать моей проблемой в любом из значений этого слова.

— Возвращайтесь домой, мисс Лейн. Оставайтесь молодой. Оставайтесь привлекательной. Выходите замуж. Рожайте детей. Старейте вместе с любимым мужем.

— Черт бы вас побрал, Иерихон Бэрронс. Скажите мне, что это. Вы обещали рассказать.

— Только если вы будете настаивать. Не совершайте глупостей. Не настаивайте.

— Я определенно настаиваю. Что это?

— Последнее предупреждение. — О многом, об очень многом.

— Не прокатит. Мне не нужно последнее предупреждение. Говорите.